

Глава 6. Младший брат, теперь ты под моим началом

Пробуждение Бай Чжигэ стало для Ху Цяньцю полной неожиданностью. На душе было беспокойно: лисье чутье подсказывало, что добром это не кончится. Стараясь не привлекать внимания, он потихоньку бочком продвигался к выходу, намереваясь улизнуть, пока суматоха не улеглась.

Однако Бай Чжигэ, заметив, что незнакомый младший брат явно его побаивается, вдруг обратился к главе Янь Фу:

— Учитель, у меня есть еще одна дерзкая просьба. Позвольте этому младшему брату Суну впредь сопровождать меня в странствиях. Он искусен в медицине и наверняка сможет позаботиться о моем здоровье, пока мы будем истреблять демонов.

— Раз уж ты сам просишь, — Янь Фу окинул взглядом щуплого, невзрачного Ху Цяньцю. Особой симпатии парень у него не вызывал, но, помня, что тот спас его любимого ученика, глава решил проявить широту души. — С этого дня Сун Мин переходит под твое начало.

В качестве награды Ху Цяньцю пожаловали новенькую Шпильку Узорчатого Бамбука. Наполовину золотая, наполовину серебряная, она ярко блестела на солнце.

Ху Цяньцю рассыпался в благодарностях, изображая бурный восторг, хотя про себя лишь скривился. И это всё? Дешевая безделушка — и он свободен? Он невольно посмотрел на голову Бай Чжигэ. Вот там была вещь — Шпилька Благовещих Облаков из пурпурного нефрита с инкрустацией золотом и серебром. Такую он видел только у Чжигэ, наверняка работа штучная.

— Ученик благодарит главу за щедрый дар! — выкрикнул он, принимая подарок.

Бай Чжигэ взял заколку из его рук. С холодным, бесстрастным лицом он лично закрепил её в волосах Ху Цяньцю и негромко наставил:

— Теперь ты в рядах учеников ранга «Люцзинь». Не смей заноситься от успехов и помни, что я тебе говорил.

Ху Цяньцю лишь кивал, пропуская нравоучения мимо ушей. Раз уж придется спускаться с горы вместе с этим истуканом, возможностей для побега будет достаточно.

Но была и другая сторона медали. Заклятый враг прямо перед ним. Кровь за кровь, жизнь за жизнь — месть требовала свершения. Однако Ху Цяньцю понимал: убей он его сейчас, и в подлунном мире не останется никого, кто смог бы противостоять истинному Великому Демону. Тяжелый выбор между личным и общим... «И надо же мне было уродиться таким добросердечным!» — сокрушался он про себя.

Тем временем Лю Юнь подошел проверить пульс больного. Глава Янь Фу замер, даже дыхание притаил, боясь услышать дурные вести.

Спустя томительную вечность Лю Юнь отложил руку племянника и принялся писать рецепт.

— Жизни ничто не угрожает. Несколько дней отдыха — и снова сможет защищать простой люд. Но сначала пусть сойдут эти жуткие синяки. — Доктор усмехнулся и бросил взгляд на Ху Цяньцю. — Этот мой ученик прикладывал усилия без всякой меры. Чжигэ, ты ведь за всю жизнь не был так сильно побит, верно?

— Вина за всё на мне, — поспешно вставил Ху Цяньцю, заметив, как Бай Чжигэ поджал губы. — Но... спасение жизни важнее приличий, не так ли?

Бай Чжигэ промолчал, и Ху Цяньцю похолодел. Неужели этот святоша затаил обиду за ту трепку? Неужели он решил оставить его при себе только ради того, чтобы потом извести изысканными пытками? «Ну и змея, — подумал лис. — Жизнь в Школе Летящих Бессмертных обещает быть «веселой».

Янь Фу, видя, что ученик утомлен, велел ему отдыхать и поспешил по делам. Ху Цяньцю попытался затеряться в толпе уходящих, но голос Бай Чжигэ настиг его у самого порога:

— Младший брат Сун, раз уж ты приставлен ухаживать за больным, отныне будешь жить здесь.

Бай Чжигэ поднялся и неспешно направился к террасе, занимая именно то место, которое Ху Цяньцю уже присмотрел для сна. Тот понуро поплелся следом и вдруг ляпнул:

— Шисюн, а когда ты родился? Назови-ка свои Восемь Иероглифов судьбы.

Бай Чжигэ ровным тоном перечислил даты.

Ху Цяньцю принялся считать на пальцах. Плохо дело. Их знаки не просто не сходились — они конфликтовали. Бай Чжигэ был его личной звездой смерти. С самой первой их встречи он только и делал, что приносил несчастья, в итоге и вовсе лишив жизни. Если так пойдет и дальше, до добра это не доведет. Подумать только: тысячелетний лис-оборотень пал от рук двадцатилетнего мальчишки!

— Шисюн не боится, что я заговорю куклу на твою погибель? — съязвил Ху Цяньцю.

Бай Чжигэ улегся на кушетку, подставив лицо солнцу. Лучи, пробиваясь сквозь листву, ложились на его плечи пятнами света.

— С чего бы? Ты — лекарь, и вредить мне не станешь. Но раз уж ты умеешь гадать, скажи, что

высмотрел в моей судьбе?

— На роду тебе написано великое бедствие, — осторожно начал Ху Цяньцю, наблюдая за реакцией. — Гадание говорит, что на тебе грех убийства живого существа. Боюсь, путь к бессмертию для тебя теперь закрыт...

Бай Чжигэ открыл глаза и пристально посмотрел на него. Он на миг замешкался.

— И есть ли спасение?

— Нужно воздвигнуть алтарь. Трижды пасть ниц, девять раз ударить челом, моля богов о прощении. Если тот, кого ты сгубил, действительно простит тебя, он явится к тебе во сне.

Ху Цяньцю уже представлял, как Чжигэ будет расшибать лоб перед алтарем, а он сам спрячется под столом и будет принимать почести. В конце концов, этот паршивец задолжал ему жизнь, так что пара сотен поклонов — лишь малая часть долга.

Бай Чжигэ ничего не ответил и снова закрыл глаза. Четвертый боевой дядя не нашел в нем ничего странного, но сам он чувствовал: в меридианах идет война. Две силы сталкивались внутри него — одна властная и разрушительная, другая мягкая, как вода, — наследие школы. Он готовился к худшему.

«Неужели я начинаю впадать в демоническое безумие?»

Прошло полчаса. Ху Цяньцю, видя, что шисюн лежит неподвижно, как дохлая рыба, заскучал. Он залез на раскидистое дерево над кушеткой, сорвал лист, сунул его в рот и растянулся на толстой ветке.

— Младший брат?

— Слушаю, шисюн. — Лис лениво подпер голову рукой, глядя вниз.

— Желает ли ты достичь бессмертия? Вступить в Школу Летящих Бессмертных — редкая удача, о которой другие лишь мечтают. Ты талантлив, и тратить жизнь, будучи простым помощником в аптеке, — непростительная ошибка.

Ху Цяньцю едва не сорвался с ветки от возмущения. Этот убийца еще смеет рассуждать о бессмертии! Если бы он не прикончил того Великого Демона (то есть его), тот бы уже давно прошел через Небесное Испытание и, возможно, вернулся бы в мир людей спасать тысячи жизней.

— Шисюн, у меня слишком слабые корни, — буркнул он. — Не из того я теста.

Бай Чжигэ резко сел и вперил в него взгляд — суровый и не терпящий возражений. Ху Цяньцю снова вспомнил ту грозную ночь.

— Я сказал — сможешь, значит, сможешь. А если не хочешь самосовершенствоваться, я прямо сейчас сброшу тебя с обрыва. Скажу всем, что оступился. Никто не поверит, что я убил своего спасителя.

Ху Цяньцю сейчас был простым смертным и в честном бою не выстоял бы. Пришлось брать хитростью. Обзывая про себя Чжигэ тираном, он нацепил самую лучезарную улыбку:

— Шисюн прав! Путь бессмертия — это чудесно! И тело окрепнет, и жизнь продлится.

В искусстве лести Ху Цяньцю не было равных. Но в голове крутилась мысль о старике Янь Фу. Неужели и он в старости станет таким же ворчливым и седым дедом? Чтобы сохранить красоту, пожалуй, стоило заняться практиками всерьез.

***

Пока ученики хозяйственного отдела сутились, Ху Цяньцю, прихрамывая, отправился к Шоу И.

Тот вернулся в свои покои лишь к вечеру, измотанный и пыльный. Выяснилось, что в округе бесчинствует демон-оборотень, и по приказу школы Шоу И должен был патрулировать подножие горы. Он заглянул в комнату лишь за вещами.

Бай Чжигэ велел Ху Цяньцю начать практику с укрепления тела. А поскольку у «Сун Мина» кости были «деревянными», его заставили растягивать связки. Весь вечер из Сада Успокоения Сердца доносились такие душераздирающие вопли, что проходящие мимо ученики крестились.

Теперь Ху Цяньцю лежал на жесткой кушетке Шоу И, чувствуя, как всё тело молит о пощаде.

— О-ох... блаженство... — простонал он.

Шоу И, копясь в сундуке, лишь покачал головой.

— Тебе еще повезло, шиди! О наставничестве старшего брата Чжигэ у нас многие только мечтают. Ученикам из аптекарского приказа путь к истинному бессмертию обычно заказан.

Глава Янь Фу за всю жизнь взял лишь троих личных учеников. О первых двух Шоу И ничего не знал — говорили, они не пережили собственного учителя. Бай Чжигэ учитель подобрал у подножия горы, когда тому было всего три года. Мальчишка оказался настолько одаренным, что стал первым учеником школы в нежном возрасте.

Ху Цяньцю хмыкнул. Представил картину: седые старцы и взрослые мужи кланяются пятилетнему карапузу со словами «Приветствуем старшего брата!». Нелепица.

— А четвертый боевой дядя? Твой учитель Лю Юнь, — зашептал Шоу И, подсаживаясь ближе.
— Выглядит на двадцать с небольшим, но старики поговаривают, что ему уже под сотню лет.

Ху Цяньцю осенило. Значит, Лю Юнь втихомолку практикует омоложение, а учеников ничему не учит? Днем этот «дядя» скалился на него, как цепной пес. Надо держаться от него подальше.

— Точно змея подколотная, — буркнул лис.

Шоу И зажал ему рот ладонью:

— Тсс! Потихе ты! Четвертый дядя — самый загадочный человек в школе. Если что случится — беги к старшему брату Бай, он защитит.

Один другого стоит. Что Лю Юнь, что Чжигэ — два сапога пара.

Ху Цяньцю уже начал погружаться в сон под шорох вещей Шоу И, как вдруг в дверь настойчиво постучали. Он едва не подпрыгнул.

— Кого там черти принесли?!

— Брат Сун! Брат Сун! Старший брат Бай велел передать: на дворе ночь, пора возвращаться в Сад Успокоения Сердца!

Если бы не забота о равновесии в мире и не надежда на то, что Чжигэ еще пригодится для великих дел, Ху Цяньцю прямо сейчас смешал бы в аптеке пару ядов. Одно питье — и нет больше «первого ученика».

— Понял я! Передай Бай Чжигэ, что я уже иду!

Он с силой распахнул дверь, поправил замывшееся одеяние и, демонстративно вертя в руках Шпильку Узорчатого Бамбука, пошагал к саду. Ученики хозяйственного отдела провожали его удивленными взглядами.

По пути он наткнулся на того самого парня, который утром заставлял его таскать лекарства. Ху Цяньцю преградил ему путь, выставив руку.

— Эй, младший брат! Что-то лицо твое мне знакомо. Куда путь держим? — Он бесцеремонно

ткнул пальцем в грудь обидчика. — А ну-ка, приготовь своему старшему брату Суну пару порций снадобья для укрепления сил. Живо!

Ученик, собиравшийся было возмутиться, замер, увидев в руках лиса дорогую шпильку. Но быстро пришел в себя и холодно усмехнулся:

— О как? Младший брат, не слишком ли ты заважничал? Ученик пятого ранга вздумал помыкать седьмым?

В темноте Ху Цяньцю не разглядел, что у того на голове была шпилька из нефрита. Он неловко потер нос и изобразил поклон:

— Прошу прощения, шисюн, обознался. Старший брат Бай ждет меня, поспешу.

Тот промолчал, но позже сам приготовил состав и отправил его с посыльным в Сад Успокоения Сердца. Посыльный, тоже из новичков, притащил сверток по глухим тропкам и, сунув его в руки Ху Цяньцю, позорно сбежал, пряча глаза.

Ху Цяньцю развернул бумагу и обомлел. Он просил лекарство для укрепления мышц, а это... это было «средство для укрепления мужской силы»!

И как назло, в этот момент он поднял голову и увидел Бай Чжигэ. Тот стоял в дверном проеме, набросив на плечи халат. Свет фонарей падал на его лицо, а взгляд... взгляд был тяжелым и крайне неоднозначным.

Все. Теперь точно не отмоешься.

<http://bllate.org/book/17498/1708894>